

А.Л. Белоногов*

**КАДРОВЫЙ СОСТАВ АППАРАТА РУКОВОДЯЩИХ
ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ ЛЕНИНГРАДА В 1935–1940-Е ГОДЫ**doi:10.31518/2618-9100-2023-1-11
УДК 94(47).084.8*Выходные данные для цитирования:**Белоногов А.Л. Кадровый состав аппарата руководящих партийных органов Ленинграда в 1935–1940-е годы // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 141–153. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-11.pdf>*

A.L. Belonogov*

**SENIOR CADRES OF THE LENINGRAD
PARTY ORGANIZATION IN 1935–1940**

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-11

*How to cite:**Belonogov A.L. Senior Cadres of the Leningrad Party Organization in 1935–1940 // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 141–153. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-11.pdf>]*

Abstract. The article analyses the staff of the Leningrad party organization in 1935–1940. The sample group includes approximately 50 senior party cadres, holding within this timeframe the positions of department heads and bureau members of the city party committee. By analyzing their personal characteristics the “collective portrait” of the leading Leningrad party worker was shown in its dynamics. The article evaluates and compares the mobility of the personnel of two types of senior staff party officials. The evaluation of their previous career advancement enables to find out the basic principles and recruitment criteria in the Leningrad city party committee and to define what social institutions can be regarded as primary recruitment sources. The article also clarifies to what extent such characteristics as professional and party experience as well as social background of the employees were being taken into consideration. Tracing the career advancement and further destiny of the party functionaries, the article defines to what extent the Leningrad party institutions were affected by political repressions and how active the leading regional party officials were in conducting the purges within their own ranks. Party employees that had the highest risk of falling victims of political repressions were also identified. The study concludes that the general trend of constant personnel replacement and rapid pace of cadre mobility did not lead to forming the regional Leningrad party elite.

Keywords: Leningrad city Communist party committee, party apparatus, senior party cadres, characteristics of personnel, personnel mobility, collective portrait, political repressions and purges.

The article has been received by the editor on 01.12.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье проводится анализ кадрового состава руководящих работников ленинградской партийной организации в 1935–1940-е гг. В выборку включено около 50 ответственных работников, занимавших в этот период должности заведующих структурными подразделениями аппарата Ленгоркома и входивших в состав бюро Ленинградского горкома ВКП(б). На основании анализа кадровых характеристик был сформирован «коллективный портрет» руководящего партийного работника Ленинграда, который показан в динамике. В статье оценивается кадровая мобильность и сравнивается частота сменяемости двух типов руководящих работников партийного аппарата города, про-

* **Андрей Львович Белоногов**, аспирант, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: a.belonogov@spbu.ru
Andrey Lvovich Belonogov, Postgraduate Student, Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, e-mail: a.belonogov@spbu.ru

анализирована их предшествующая карьера, что дало возможность выявить базовые принципы, критерии и приоритеты, на основании которых осуществлялся подбор кадров, а также определить, какие социальные институты можно рассматривать в качестве «кузницы кадров». Это позволило понять, в какой степени при назначениях учитывался профессионализм работников, а также отдавался ли приоритет таким характеристикам, как социальное происхождение и партийный стаж в ущерб профессиональному опыту и знаниям. Проследив карьерную траекторию и дальнейшую судьбу некоторых партийных функционеров, в статье оценивается, в какой степени политические репрессии затронули ленинградскую партийную организацию и насколько активно партийное руководство Ленинграда участвовало в чистках в своих же собственных рядах. Также в ходе исследования выявлены группы ответственных работников, которые имели наивысший риск оказаться среди репрессированных. В статье был сделан вывод о том, что процессы, происходившие в ленинградской партийной организации во второй половине 1930-х гг., не привели к формированию партийной политической элиты на региональном уровне.

Ключевые слова: Ленинградский горком ВКП(б), партийный аппарат, руководящий ответственный работник, кадровые характеристики, кадровая мобильность, коллективный портрет, политические репрессии и чистки.

Статья поступила в редакцию 01.12.2022 г.

В исторических исследованиях достаточно часто поднимается вопрос о работе партийных структур различного уровня, возникает интерес исторического сообщества к процессам их формирования и функционирования¹, к вопросам подбора партийных и советских кадров². Из наиболее значительных работ, посвященных отдельным регионам, следует назвать монографии М. Фейнсода о Смоленске, Дж. Харриса об Уральском регионе и К. Ботерблёма о Тверской (Калининской) области, статью М. Блеквелла о послевоенном Киеве, диссертацию и монографию А. Коновалова о Кузбассе и регионах Сибири³. Помимо этого, были опубликованы исследования, в которых затрагиваются вопросы продвижения по службе региональных секретарей⁴, экономической политики партии и индустриализации⁵, общие вопросы работы партийных органов в регионах⁶. На современном этапе некоторые историки обратились к изучению повседневной жизни и быта руководителей Ленинграда⁷,

¹ Андрухов Н.Р. Партийное строительство в период борьбы за победу социализма в СССР (1917–1937 гг.). М., 1977; Малейко Л.А. Партийный аппарат: становление и развитие (1917–1941 гг.). Ростов н/Д., 1981; Мельников В.П. Областные бюро ЦК РКП(б): из опыта КПСС по идейному и организационному укреплению местных партийных организаций (1920–1925 гг.). М., 1981.

² Пронин И.И. Руководящие кадры: подбор и воспитание. М., 1971; Яцков В.А. Кадровая политика КПСС: опыт и проблемы. М., 1986.

³ См.: Фейнсон М. Смоленск под властью Советов. Смоленск, 1995; Harris J.R. The Great Urals: regionalism and the evolution of the Soviet system. New York, 1999. 235 p.; Boterbloem K. Life and Death under Stalin: Kalinin Province, 1945–1953. Montreal, 1999. 448 p.; Блеквелл М.Дж. Воссоздание коммунистической партии в Киеве после нацистской оккупации. 1943–1946 гг. // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 163–170; Коновалов А.Б. Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «оттепели» (1945–1964). Кемерово, 2005; Коновалов А.Б. Социально-профессиональная эволюция партийной номенклатуры Кузбасса: 1943–1964 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1999. 28 с.; Коновалов А.Б. Формирование и функционирование номенклатурных кадров органов ВКП(б)-КПСС в регионах Сибири: 1945–1991 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2006. 28 с.

⁴ Blackwell R. Career Development in the Soviet Obkom Elite: a Conservative Trend // Soviet studies. 1972. № 1. P. 24–40.

⁵ Hough J.F. The Soviet prefects: The local party organs in industrial decision-making. Cambridge, 1969. 416 p.

⁶ Мохов В.П. Элитизм и история: Проблемы изучения советских региональных элит. Пермь, 2000. 204 с.

⁷ Измозик В.С., Лебина Н.Б. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве: 1920–1930-е годы. Социально-архитектурное микроисторическое исследование. СПб., 2016.

однако этот вопрос еще недостаточно исследован. Среди комплексных исследований, в которых рассматриваются партийные институты Ленинграда, необходимо назвать также работы А.Н. Чистикова, А.Ю. Стефаненко и К.А. Болдовского⁸. Сравнительно малоисследованным в истории ленинградской партийной организации остается отрезок времени с середины 1930-х гг. до начала Великой Отечественной войны, хотя именно в это время в партийно-государственном аппарате города происходили достаточно существенные изменения.

Для оценки работы ленинградского партийного аппарата в период с 1935 по 1940 г. был проведен анализ сменяемости кадров на двух уровнях: бюро горкома и заведующих его отделами. Выбор вышеупомянутых должностей обусловлен тем, что именно эти партийные работники составляли верхушку партийного аппарата города и участвовали в принятии важнейших решений.

Были изучены персональный состав и предшествующая карьера партийных работников, назначаемых на эти должности, что дало возможность выявить кадровые характеристики, на основании которых осуществлялись их подбор и назначение; удалось проследить дальнейшую судьбу ведущих партийных функционеров города и определить, как сказалась работа в руководстве ленинградской партийной организации на их последующей карьерной траектории.

Источниковой базой статьи стали делопроизводственные документы партийных и советских органов власти Ленинграда, выявленные в фондах Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). В работе использовались протоколы и материалы заседаний высших партийных структур города – бюро и секретариата горкома ВКП(б). Материалы заседаний содержат значительное количество сопроводительных документов, раскрывающих источники и способы информирования руководства города о тех или иных проблемах, мотивы и причины принятия различными инстанциями тех или иных решений. К числу таких документов относятся справки, докладные записки, инструкции, статистические сводки, штатные расписания, положения, отчеты, контрольные документы, служебная межведомственная переписка городских органов с нижестоящими и вышестоящими структурами, а также статистические сборники, подготовленные органами партийного и советского аппарата города.

В статье использованы личные дела руководящих партийных работников. Данные «объективов» – кратких справок, которые обычно готовили кадровые службы при назначении на ту или иную должность, стали основным источником информации для проведения персонального анализа партийного аппарата Ленинграда. Они позволили получить сведения о количественных и качественных характеристиках партийного аппарата города, а также хронологически проследить их изменение. Дополнительно использовались автобиографии партийных работников, из которых также можно почерпнуть те или иные сведения. Изучение документов Архива УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области дало возможность проследить ход следствия и выявить механизмы политических репрессий в отношении различных групп сотрудников партийного аппарата города.

Кадровый состав бюро Ленинградского горкома ВКП(б). Наиболее влиятельной группой партийных работников города Ленинграда были члены и кандидаты бюро горкома ВКП(б). В общей сложности с 1935 по 1940 г. эти должности занимали 29 человек. Динамика сменяемости состава бюро Ленинградского горкома в период с 1935 по 1940 г. может быть наглядно представлена в виде следующей таблицы:

⁸ См.: Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007; Стефаненко А.Ю. Внутрипартийная борьба в Ленинграде. 1926–1933 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2021. 26 с.; Болдовский К.А. Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «Ленинградского дела». СПб., 2018.

Месяц/год	Состав Бюро Ленинградского горкома
<u>февраль 1935 г.</u>	
Члены	А.А. Жданов, И.И. Алексеев, И.Ф. Кодацкий, И.П. Светиков, П.И. Смородин, П.И. Струппе, А.И. Угаров, М.С. Чудов, Л.К. Шапошникова-Зайдеман
Кандидаты	И.С. Каспаров, В.Г. Швецов, Л.М. Заковский
<u>ноябрь 1937 г.</u>	
Члены	А.А. Жданов, В.С. Волцит, С.И. Лукьянов, А.Н. Петровский, А.И. Угаров, В.М. Цветков
Кандидаты	И.С. Каспаров, Ф.Н. Иванов, М.К. Рымшан, С.Н. Кузнецов
<u>март 1938 г.</u>	
Члены	А.А. Жданов, А.А. Кузнецов, А.Н. Петровский, В.М. Цветков
Кандидаты	Ф.Н. Иванов, С.Н. Кузнецов, М.К. Рымшан
<u>июнь 1938 г.</u>	
Члены	А.А. Жданов, А.А. Кузнецов, М.И. Литвин, А.Н. Петровский, П.Г. Оринов, Г.Т. Смирнов, Т.Ф. Штыков
Кандидаты	С.А. Антонов, Н.В. Бочаров, С.Н. Кузнецов
<u>январь–июль 1939 г.</u>	
Члены	А.А. Жданов, А.А. Кузнецов, С.А. Гоглидзе, Г.Т. Смирнов, Т.Ф. Штыков, П.С. Попков, А.И. Маханов
Кандидаты	С.А. Антонов, Н.В. Бочаров, С.Н. Кузнецов
<u>январь 1940 г.</u>	
Члены	А.А. Жданов, А.А. Кузнецов, С.А. Гоглидзе, Г.Т. Смирнов, Т.Ф. Штыков, П.С. Попков, А.И. Маханов
Кандидаты	–

Из таблицы видно, что в рассматриваемый период времени в состав бюро Ленинградского горкома входило от 7 до 12 человек (4–10 членов и 3–4 кандидата). Минимальное количество членов бюро – 4 человека – было зафиксировано в 1938 г., что объясняется масштабными чистками и политическими репрессиями, затронувшими партийный аппарат Ленинграда в эти годы. С февраля 1935 по ноябрь 1937 г., т.е. за 2 года и 8 месяцев, состав бюро горкома обновился на 75 %. Из 12 кандидатов и членов в бюро Ленгоркома, входивших в него в 1935 г., к 1937 г. сохранили свои посты 3 человека. Менее чем через год произошло еще одно практически полное обновление состава бюро – на этот раз на 80 %. Из 10 членов и кандидатов, входивших в его состав в ноябре 1937 г., к июню 1938 г. осталось только 2 человека. За следующие полгода – с июня 1938 по январь 1939 г. – состав бюро обновился примерно на треть: из 10 членов и кандидатов своих постов лишились 3 человека. Зато с первой половины 1939 по 1940 г. состав бюро горкома не поменялся, если не считать того, что в ходе реорганизации была ликвидирована должность кандидата в члены бюро. Это свидетельствует о наступлении периода кадровой стабильности Ленинградского партийного

аппарата. Таким образом, для рассматриваемого периода характерна высокая мобильность и частая сменяемость руководящих работников Ленинградского горкома ВКП(б). Начиная с 1939 г. ситуация стабилизируется и темп кадровых чисток замедляется. Единственным несменяемым членом бюро все эти годы оставался первый секретарь горкома А.А. Жданов.

Второй аспект, на котором необходимо остановиться, – это анализ предшествующих карьерных траекторий руководящих партийных работников и выявление наиболее типичных из них. Послужной список членов бюро отражает логику и основные принципы назначения и перемещения с одной должности на другую. Продвигаясь по служебной лестнице, функционеры могли занимать партийные, хозяйственные, советские и профсоюзные должности, служить в рядах вооруженных сил, работать в органах государственной безопасности, судебно-следственных органах, в органах периодической печати, научных организациях либо менять тип карьеры с течением времени.

Анализ предшествующей карьеры партийных работников показывает, что более половины членов и кандидатов в члены бюро горкома (15 из 28) имели смешанную карьерную траекторию, т.е. меняли тип карьеры по мере продвижения по служебной лестнице и сочетали партийную карьеру с хозяйственной, советской, профсоюзной или иной руководящей работой. Эти сотрудники составляли наиболее многочисленную группу членов бюро горкома, причем чаще всего они сочетали партийные должности с советскими (8 чел.), военными и профсоюзными (по 7 и 6 чел. соответственно), реже – с хозяйственными должностями и с работой в периодической печати (4 и 3 чел. соответственно), и еще реже – с работой в органах государственной безопасности (1 чел.).

Вторая группа членов и кандидатов в члены бюро Ленгоркома (11 работников) продвигалась исключительно по партийной линии. Наконец, три партработника вошли в состав бюро горкома, не имея опыта партийной работы в прошлом – И.П. Светиков ранее занимал профсоюзные должности, а Л.М. Заковский и С.А. Гоглидзе работали в органах государственной безопасности. Большой разброс карьерных траекторий среди членов и кандидатов в члены бюро объяснялся тем, что ряд работников, которые могли не иметь отношения к партийному аппарату, кооптировались в него по должности – председатель исполкома Ленсовета, начальник управления НКВД по Ленинграду и руководитель Ленинградского совета профсоюзов (до 1937 г.).

Анализ наиболее значимых кадровых характеристик партийных работников, входивших в состав бюро Ленинградского горкома, показывает, что средний возраст верхушки партийного аппарата был относительно небольшим и колебался в диапазоне 37–40 лет с тенденцией к снижению в начале 1940-х гг. Так, в 1935–1937 гг. средний возраст членов и кандидатов в бюро Ленгоркома составлял 40 лет, а в 1938–1939 гг. – 37–38 лет. При этом в 1939–1940 гг. в бюро осталось только два партийных работника – А.А. Жданов и А.И. Маханов, которые принадлежали к старшей возрастной когорте руководителей, родившихся еще в XIX в. Таким образом, в рассматриваемый в работе период времени в качестве членов и кандидатов в состав бюро горкома вводились, как правило, достаточно молодые кадры.

По образовательному уровню в составе бюро горкома в середине 1930-х гг. преобладали лица с низшим образованием. В конце 1930-х и в начале 1940-х гг. уровень образования членов и кандидатов в бюро постепенно повышался, в его состав вводилось больше сотрудников со средним и высшим образованием. Если в 1935–1938 гг. в бюро работали 1–2 сотрудника, имевших высшее образование, то к 1939 г. их количество достигло четырех, при этом преобладало высшее образование инженерно-экономического профиля. Одновременно с этим число членов и кандидатов в бюро горкома с низшим образованием снизилось с шести в 1935 г. до 1 чел. в 1939–1940 гг.

По партийному стажу всех сотрудников аппарата можно условно разделить на три группы: во-первых, большевиков с дореволюционным стажем; во-вторых, вступивших в партию с 1917 по 1929 г. включительно; и в-третьих, сотрудников, ставших членами ВКП(б) начиная с 1930 г. Первая группа коммунистов до середины 1930-х гг. находилась в более

привилегированном положении, однако именно они в итоге были практически полностью вычищены и репрессированы. Вторая группа работников, которые были членами партии в период внутрипартийной борьбы и разгрома различных оппозиционных групп, также находилась под подозрением и под угрозой чисток и политических репрессий. Только лишь третья группа коммунистов, вступивших в партию на более позднем этапе, находилась в относительной безопасности.

Сравнивая партийный стаж членов бюро горкома, необходимо отметить, что примерно три четверти его состава вступили в ВКП(б) во время и после революции 1917 г., и лишь только 6 человек были членами партии с дореволюционным стажем. Эти данные согласуются с выводами других исследователей, которые полагают, что среди руководящих работников партийного аппарата наиболее значительное место со второй половины 1920-х гг. занимали большевики, вступившие в партию после революции⁹. Из числа «старых большевиков» политическим репрессиям 1930-х гг. не был подвергнут только первый секретарь Ленинградского горкома – А.А. Жданов. В целом косвенной причиной того, что большая часть состава бюро горкома была репрессирована, можно считать их партийный стаж. Из 29 членов и кандидатов в бюро в партию до 1930 г. вступили 27 человек, поэтому им при определенных условиях можно было приписать принадлежность к оппозиции, разнообразные уклоны и колебания.

По национальному составу члены и кандидаты в бюро горкома были преимущественно русские (около 80 %); из остальных национальностей можно выделить трех латышей – В.С. Волцита, Л.М. Заковского и П.И. Струппе. Также в составе бюро горкома в рассматриваемый в работе период времени были представлены евреи, армяне, белорусы и грузины. Несмотря на значительную «руссоцентричность» бюро, говорить о каких-либо кампаниях по очистке партийного аппарата от национальных меньшинств в тот период не представляется возможным, поскольку выводились из состава бюро горкома как русские, так и представители других национальностей примерно в равной пропорции.

По социальному происхождению в составе бюро преобладали выходцы из рабочих и крестьян, которых насчитывалось примерно три четверти. Выходцы из остальных сословий и социальных групп – торговцев, мещан, служащих и других – были представлены фрагментарно. Исходя из этого, можно сделать вывод, что рабоче-крестьянское происхождение имело большое значение при назначении на высшие партийные должности в Ленинграде. Более того, руководство города стремилось повысить долю «человека труда» на всех уровнях власти. Так, в одном из постановлений бюро горкома 1940 г. было отмечено, что рабочие-стахановцы пока еще недостаточно выдвигаются на руководящие должности в некоторых партийных и советских организациях¹⁰.

Наконец, по гендерному признаку в рассматриваемой группе сотрудников бюро горкома преобладали мужчины, чуть менее половины из которых отслужили в РККА и принимали участие в том или ином качестве в Гражданской войне. В составе бюро Ленинградского горкома в рассматриваемый период работали только две женщины – Л.К. Шапошникова и М.К. Рымшан. Пять сотрудников служили также в старой армии и участвовали в Первой мировой войне. Один из членов бюро – И.П. Светиков – успел послужить даже в армии Колчака четыре дня, а затем перешел на сторону Красной армии¹¹. В общей сложности опыт военной службы имели около половины членов и кандидатов в бюро.

Анализ совокупности кадровых характеристик членов бюро горкома позволяет сделать вывод, что основная тенденция во второй половине 30-х гг. XX в. заключалась в постепенной замене оставшихся «старых большевиков» с дореволюционным партийным стажем (за исключением А.А. Жданова) на более молодые кадры из числа «технократов» с высшим инженерно-экономическим образованием. Во многом эти процессы были связаны с индустриализацией.

⁹ Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007. С. 108.

¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 2576. Л. 1.

¹¹ ЦГАИПД СПб. Ф.Р-1728. Оп. 1–25. Д. 195289. Л. 3.

стриализацией и с потребностью в технически подготовленных партийных кадрах, которые могли бы направлять и контролировать развитие городской промышленности.

Проследив дальнейшую карьерную траекторию членов бюро Ленинградского горкома, необходимо отметить, что подавляющее большинство из них в разные годы были вычищены из партийного аппарата бюро и подвергнуты политическим репрессиям. Такова была судьба 10 из 12 членов и кандидатов в члены бюро горкома, занимавших должности в аппарате в 1935 г. на момент убийства С.М. Кирова: И.И. Алексеева, И.Ф. Кодацкого, И.П. Светикова, П.И. Смородина, П.И. Струппе, А.И. Угарова, М.С. Чудова, Л.К. Шапошниковой, И.С. Каспарова и Л.М. Заковского. В большинстве случаев их дальнейшая судьба сложилась незавидно – из 12 членов и кандидатов в члены бюро горкома девять (все вышеупомянутые, кроме И.С. Каспарова) были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны. При этом в большинстве случаев они становились жертвами репрессий уже не в Ленинграде, а после перевода на работу в другой регион, как правило, в Москву. В общей сложности как минимум семь бывших членов и кандидатов в члены бюро Ленгоркома из состава 1935 г. (И.И. Алексеев, И.Ф. Кодацкий, П.И. Смородин, П.И. Струппе, А.И. Угаров, М.С. Чудов и Л.М. Заковский) были арестованы не в Ленинграде, а в других городах СССР. Это говорит о том, что в данный период руководство ленинградского партийного аппарата стремилось вычищать из собственных рядов скомпрометированных партийных работников путем их перевода в другие регионы. При этом весьма вероятно, что партийное руководство города старалось не брать на себя ответственность за аресты и репрессии, перекладывая ее на иные структуры, главным образом на центральные партийные органы и органы НКВД.

Состав бюро горкома, который сложился в Ленинграде к концу 1937 г., постигла примерно такая же участь – в большинстве случаев его члены были сняты с должности как враги народа либо как лица, связанные с врагами народа, и репрессированы. Однако, в отличие от предыдущего состава бюро, сотрудники, работавшие в 1937–1938 гг., чаще всего не переводились в другие города СССР, а арестовывались непосредственно в Ленинграде. Это может быть косвенным свидетельством того, что в данный период политические репрессии в Ленгоркоме осуществлялись уже при непосредственном участии партийного руководства города.

В 1938 г. после масштабных чисток в состав бюро горкома города Ленинграда была введена плеяда новых руководителей – А.А. Кузнецов, М.И. Литвин, П.Г. Оринов, Г.Т. Смирнов, Т.Ф. Штыков, С.А. Антонов и Н.В. Бочаров. Часть из них – А.А. Кузнецов, М.И. Литвин и П.Г. Оринов – также впоследствии были репрессированы. Любопытно, что в итоге состав бюро горкома был вычищен практически полностью: в общей сложности врагами народа оказались 21 из 29 членов и кандидатов бюро с 1935 по 1940 г., т.е. почти три четверти партийных работников.

Наиболее масштабные чистки в бюро Ленгоркома проходили в 1937–1938 гг., когда в Ленинграде последовательно были «вскрыты» две контрреволюционные организации правых. В разных источниках эти организации фигурировали как «Ленинградский вредительский шпионский диверсионный террористический центр» или «Бухаринский правотроцкистский ленинградский центр» – для краткости иногда использовалось название «Ленинградский террористический центр». В первую группу заговорщиков, которая была разоблачена в 1937 г., из членов и кандидатов в бюро входили: М.С. Чудов, Л.К. Шапошникова (супруга Чудова), И.Ф. Кодацкий, П.И. Струппе, И.И. Алексеев, В.С. Волцит, И.П. Светиков, Ф.Н. Иванов и М.К. Рымшан, а также ряд секретарей обкома и райкомов (П.Л. Низовцев, П.А. Ирклис, М.А. Освенский, Г.В. Иванов, С.М. Соболев, С.Я. Шульман и др.) и ряд руководящих работников аппарата Ленгоркома и Ленгорисполкома (А.С. Милославский, Г.И. Буденный, О.Ф. Юхачева, Д.А. Лазуркина). Во вторую группу заговорщиков, которая в следственных материалах проходила как «запасной центр правых», входили члены и кандидаты в бюро А.Н. Петровский, П.И. Смородин, С.И. Лукьянов и И.С. Каспаров; также к ним примыкали прокурор Ленинградской области Б.П. Позерн, председатель Ленинградского областного Совета профсоюзов П.А. Алексеев, первый секретарь Ленинградского

обкома ВЛКСМ И.С. Вайшля и ректор Ленинградского государственного университета М.С. Лазуркин – супруг заведующей отделом школ горкома Д.А. Лазуркиной. В отношении последних двух фигурантов следственные действия не были завершены, так как после ареста во время предварительного следствия они, согласно официальной версии, совершили самоубийство¹².

Компрометирующие материалы по трем вышеперечисленным сотрудникам партийного аппарата – Г.В. Иванову, М.А. Освенскому и В.С. Волциту – были направлены начальником Ленинградского управления НКВД Л.М. Заковским первому секретарю Ленинградского горкома А.А. Жданову в 1937 г. В них в частности указано, что Иванов, Кодацкий, Чудов, Ирклис, Струппе и П.А. Алексеев входили в группу «старых выборжцев»¹³, направляли на руководящую работу участников троцкистско-зиновьевской организации, засоряя контрреволюционерами вверенные им партийные структуры, активно распространяли троцкистскую литературу и вербовали сторонников. Этой деятельностью они занимались на нелегальных совещаниях, в ходе которых вырабатывались меры по противодействию линии партии, в частности по вопросу проведения коллективизации¹⁴. Необходимо отметить, что все эти компрометирующие сведения исходили из протоколов допросов ранее арестованных партийных работников – Низовцева, Ирклиса и др.

При этом характер направленной Заковским Жданову служебной записки предполагает, что инициатива сбора компрометирующих материалов исходила от первого секретаря Ленинградского горкома, а не от НКВД: «Андрей Александрович! Посылаю вам три справки об Иванове, Освенском и Волците. Это все, что сегодня о них имеется»¹⁵. Если данное предположение является верным, то это означает, что при проведении чисток и политических репрессий в Ленинградском партийном аппарате органы НКВД и глава аппарата Жданов тесно сотрудничали друг с другом.

Еще одно наблюдение, которое можно сделать на основании вышеупомянутой служебной записки, – среди компрометирующих материалов нет сведений, что заговорщики планировали или готовили террористические акты против Жданова и других высокопоставленных партийных функционеров города и страны. По некоторым сведениям, которые содержатся, например, в показаниях А.М. Розенблюма, в Ленинграде готовился открытый процесс по делу «Ленинградского террористического центра», который по какой-то причине не состоялся¹⁶. Возможно, это было связано с недостатком улик и обличающих друг друга и самих себя в терроризме признательных показаний фигурантов этого дела.

Судьбы членов бюро горкома, избежавших политических репрессий как в довоенный период, так и позднее, складывались по-разному. Некоторые, проработав в Ленинграде во время блокады, были впоследствии переведены на работу в МИД (Штыков), другие возглавили образовательные учреждения (Бочаров, Маханов), судьбы еще двух сотрудников (С. Кузнецов, Антонов) не удалось установить. Одно можно сказать определенно: никто из сотрудников ленинградского партийного аппарата, переживших две наиболее масштабные волны репрессий – 1937–1938 гг. и «Ленинградское дело», не занимали впоследствии высоких должностей в партийной иерархии города и страны.

Кадровый состав отделов Ленинградского горкома ВКП(б). В общей сложности на должности заведующего аппаратом Ленгоркома ВКП(б) в период с 1935 до середины 1939 г., когда он был подвергнут серьезному реформированию, работало 28 человек¹⁷. Их сменяемость, как и в случае бюро горкома, была достаточно высокой: в среднем за 4,5 года на руководящем посту в большинстве отделов побывало порядка четырех человек. Таким

¹² Архив УФСБ России по СПб и ЛО. Д. П-3449: в 1 т. Л. 34.

¹³ Согласно версии следственных органов, эта контрреволюционная группа партийных работников сформировалась еще в 1920-е гг. на почве совместной работы в Выборгском районе Ленинграда.

¹⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Д. 324. Л. 32–36.

¹⁵ Там же. Л. 31.

¹⁶ Смородин Д. Открытый процесс не состоялся (Год 1937-й) // Страницы истории: Дайджест прессы 1989, июль–декабрь 1990. С. 149–165.

¹⁷ Без учета особого сектора, который относился к совместному аппарату Ленинградского горкома и обкома.

образом, в среднем руководители аппарата горкома сменялись практически ежегодно. При этом в 1935–1936 гг. наблюдался период относительной кадровой стабильности: в эти годы было зафиксировано 8 отставок и назначений заведующих отделами Ленгоркома. В течение следующих двух лет было снято с должности и назначено уже 14 заведующих отделами, а в 1939 г. – только 3.

Рассматривая послужной список и предшествующую карьеру заведующих отделами, необходимо отметить, что лишь 8 из них росли исключительно по партийной линии, а остальные – примерно 20 партийных работников – сочетали несколько карьерных траекторий. Из других типов карьеры в порядке убывания можно выделить: органы печати (7 чел.), военную (6 чел.), советскую (4 чел.), профсоюзную (3 чел.), науку и образование (3 чел.), хозяйственную (2 чел.), судебную-следственную (1 чел.). При этом прямых переходов на должность заведующего отделом горкома сотрудников, занимавших ранее руководящие должности вне партии, было всего 3 – с профсоюзной работы перешли 2 сотрудника и 1 перешел из сферы образования. Остальные до назначения заведующими отделами Ленгоркома имели опыт руководящей партийной работы и ранее занимали более низкие должности в аппарате.

Из 25 заведующих с партийным типом карьеры лишь 7 были выходцами из руководства комсомола, что составляет менее 30 %. При этом ранее руководили первичными партийными ячейками 10 из 25 заведующих отделами Ленгоркома, работали в районных комитетах ВКП(б) 9 из 25 чел., а занимали различные должности в горкоме 7 из 25 чел. Таким образом, «кузницей кадров» для партработников, назначенных на должность заведующего отделом Ленгоркома, можно считать первичные партийные ячейки и райкомы, а во вторую очередь – комсомол.

Большинство исследуемой группы сотрудников были мужчинами (порядка 85 %), большая часть из них отслужила в рядах РККА. Средний возраст при назначении на должность заведующего отделом горкома составлял примерно 35 лет. При этом он демонстрировал устойчивую тенденцию к снижению: в 1935–1936 гг. средний возраст заведующего составлял около 39 лет, в 1937–1938 – 35 лет, а в 1939 г. – около 32,5 лет.

Большая часть заведующих отделами горкома ВКП(б) (15 партийных работников) были обладателями высшего или незаконченного высшего образования, как правило, инженерно-технической или идеологической направленности. При этом в 1935–1936 гг. только половину отделов возглавляли работники с высшим образованием, в 1937 г. зафиксировано понижение, а к 1939 г. – постепенное повышение образовательного уровня заведующих отделами. Из 12 партийных работников, назначенных в 1938–1939 гг., 9 человек уже обладали высшим образованием.

Среди заведующих отделами преобладали русские; второй по численности национальной группой были евреи – таковых было около 30 %, что значительно больше, чем в составе бюро Ленгоркома. Однако если в 1937 г. во главе 5 отделов горкома из 8 находились евреи, то к 1939 г. представитель этой национальности возглавлял только 1 отдел. По социальному положению заведующие отделами были преимущественно выходцами из рабочих и крестьян, но среди них также было немало потомков мещан и служащих (более 25 %). При этом прослеживается определенная корреляция между национальностью и социальным происхождением: из восьми заведующих еврейской национальности шестеро происходили из мещан. Наконец, подавляющее большинство партработников вступили в партию в промежутке между 1917 и 1930 гг.; из «старых большевиков» можно отметить только Д.А. Лазуркину, возглавлявшую отдел школ Ленинградского горкома. На основании вышеизложенного можно выявить следующие тенденции при назначении заведующих аппаратом Ленинградского горкома: омоложение кадров, повышение их образовательного уровня, постепенную русификацию и увеличение среди них числа выходцев из рабочих и крестьян.

Анализируя сменяемость заведующих отделами Ленгоркома, необходимо также рассмотреть их дальнейшую судьбу. В целом чисткам и политическим преследованиям в разные годы подверглась значительная часть руководителей аппарата горкома – около 50 %

от их общего количества. Это несколько меньше, чем число репрессированных членов и кандидатов бюро Ленинградского горкома ВКП(б). Необходимо отметить, что некоторые партийные работники были арестованы органами НКВД уже после перевода на работу в другой регион. Основная масса репрессированных заведующих отделами Ленгоркома приговорена к высшей мере наказания и расстреляна. Единственное исключение составляет Д.А. Лазуркина, которая провела в тюрьмах, ссылках и лагерях около 18 лет и была реабилитирована еще при жизни¹⁸.

Что касается партийных работников, которые не стали жертвами политических репрессий, то их судьбы складывались по-разному. Они могли быть направлены на партийную работу в вооруженные силы (Хмара, Мастеров), переведены в спецслужбы (Ефимов, Гусев), направлены на преподавательскую работу (Хмара, Шулемзон), на советскую (Нехамкина) или хозяйственную работу (Рудаков). Двое бывших заведующих отделами горкома определенный период времени работали на должности ответственных редакторов «Ленинградской правды» (Шумилов, Шулемзон), а Я.С. Хавинсон переведен на работу в ТАСС и после войны стал главным редактором журнала «Мировая экономика и международные отношения». Таким образом, большинство бывших заведующих отделами Ленинградского горкома, избежавших репрессий, после снятия с должности не продолжали партийную карьеру, а работали в других областях – образование, органы периодической печати и государственной безопасности, советская и хозяйственная работа.

Обобщая всю вышеизложенную статистику и сравнивая кадровые характеристики, можно составить обобщенный коллективный портрет руководящего партийного работника, входившего в состав бюро горкома либо возглавлявшего один из отделов его аппарата. Как правило, это мужчина, его возраст колебался в диапазоне 33–40 лет с тенденцией к постепенному снижению. Он преимущественно русский по национальности, причем к 1940 г. процент русских постепенно повышался, а по социальному происхождению – выходец из рабочих и крестьян, доля которых в аппарате также постепенно возрастала. По партийному стажу в основной массе это работники, вступившие в ВКП(б) в промежутке 1917–1930 гг. В отношении военной службы статистика варьировалась: примерно половина секретарей мужского пола была из числа отслуживших в рядах РККА, а другая половина из них не служила. Образовательный уровень секретарей райкомов год от года увеличивался: если в 1935–1936 гг. преобладали партийные работники с низшим и средним образованием, то к 1939 г. на первые позиции выходят руководители с высшим образованием, как правило, инженерно-технического или экономического профиля. Руководящие партийные работники обычно обладали опытом партийной работы в прошлом, однако часто сочетали несколько типов карьеры, периодически переходя с партийных должностей на хозяйственные, советские, профсоюзные, после чего возвращались к партийной деятельности. При этом средний период пребывания партийного работника на руководящей должности, как правило, был небольшим и редко превышал 1,5 года. Наконец, партийные функционеры из бюро и аппарата горкома имели большую вероятность рано или поздно стать жертвами чисток и политических репрессий.

Один из актуальных вопросов в контексте проведенного анализа заключается в том, приводили ли все описанные выше тенденции к формированию региональной политической элиты внутри ленинградской партийной организации как замкнутой и сплоченной группы бюрократов. Теоретически замкнутость и сплоченность партийных функционеров могли достигаться за счет получения ими определенных льгот и привилегий как материального, так и нематериального характера. К их числу относились улучшенные жилищные условия, возможность отдыха в ведомственных санаториях и лечения в ведомственных больницах, доступ к партийно-государственной секретности, в ряде случаев, но далеко не всегда, судебные привилегии – вплоть до иммунитета отдельных партийных работников от уголовного преследования. Все это, по мнению некоторых авторов, способствовало формированию

¹⁸ Губанков А. Штрихи к жизнеописанию «образцовой коммунистической пары» // Дайджест прессы «Страницы истории». 1988. Январь–июнь. 1989. С. 256–260.

бюрократической модели управления в СССР и созданию замкнутой группы партийных работников, отчужденных и обособленных от основной массы советских граждан, которых с определенными оговорками можно назвать советской политической элитой¹⁹.

Однако описанный выше процесс входил в противоречие с марксистской теорией, так как, согласно ее постулатам, для недопущения «обюрокрачивания» правящей прослойки должна быть обеспечена постоянная ротация кадров. Необходимо отметить, что частые назначения и перемещения с одной должности на другую являются одной из характеристик партийно-государственного аппарата как в 20-е, так и в 30-е гг. XX в. Возможно, одна из причин, побуждавшая часто менять руководящие кадры, заключалась в стремлении не допустить их «хозяйственного обрастания», снизить коррупцию и прочие злоупотребления, иными словами – не допустить сращивания партийных функционеров с хозяйственным руководством.

К концу 1930-х гг. сменяемость кадров ускоряется, в том числе за счет чисток и политических репрессий, в значительной степени затронувших партийный аппарат. Эти процессы можно также связать с поиском новых эффективных кадров в условиях нарастания военной угрозы. Ряд авторов придерживается мнения, что подобные тенденции говорят о слабости номенклатурного сообщества, о его неспособности составить сплоченную группу и влиять на принятие ключевых политических решений²⁰.

Анализ сменяемости руководящих кадров в ленинградской партийной организации подтверждает эту точку зрения и показывает, что в исследуемый период времени аппарат города Ленинграда не представлял собой замкнутой и сплоченной группы партийных работников. Определенная кадровая стабилизация была достигнута только к началу 1940-х гг.

Литература

Андрухов Н.Р. Партийное строительство в период борьбы за победу социализма в СССР (1917–1937 гг.). М., 1977. 375 с.

Блэквелл М.Дж. Воссоздание коммунистической партии в Киеве после нацистской оккупации. 1943–1946 гг. // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 163–170.

Болдовский К.А. Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «Ленинградского дела». СПб., 2018. 310 с.

Губанков А. Штрихи к жизнеописанию «образцовой коммунистической пары» // Дайджест прессы «Страницы истории». Январь–июнь 1989. С. 256–260.

Измозик В.С., Лебина Н.Б. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве: 1920–1930-е годы. Социально-архитектурное микроисторическое исследование. 2-е изд., испр. СПб., 2016. 248 с.

Коновалов А.Б. Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «оттепели» (1945–1964). Кемерово, 2005. 311 с.

Коновалов А.Б. Социально-профессиональная эволюция партийной номенклатуры Кузбасса: 1943–1964 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1999. 28 с.

Коновалов А.Б. Формирование и функционирование номенклатурных кадров органов ВКП(б)-КПСС в регионах Сибири: 1945–1991 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2006. 28 с.

Малейко Л.А. Партийный аппарат: становление и развитие (1917–1941 гг.). Ростов н/Д., 1981. 135 с.

Мельников В.П. Областные бюро ЦК РКП(б): из опыта КПСС по идейному и организационному укреплению местных партийных организаций (1920–1925 гг.). М., 1981. 184 с.

Мохов В.П. Элитизм и история: Проблемы изучения советских региональных элит. Пермь, 2000. 204 с.

¹⁹ Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007. С. 273.

²⁰ Хлевнюк О.В. Номенклатурная революция: региональные руководители в СССР в 1936–1939 гг. // Российская история. 2016. № 5. С. 36–52.

- Пронин И.И. Руководящие кадры: подбор и воспитание. М., 1971. 224 с.
- Сморodin Д. Открытый процесс не состоялся (Год 1937-й) // Страницы истории: Дайджест прессы 1989. Июль–декабрь 1990. С. 149–165.
- Стефаненко А.Ю. Внутрипартийная борьба в Ленинграде. 1926–1933 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2021. 26 с.
- Фэйнсод М. Смоленск под властью Советов. Смоленск, 1995. 493 с.
- Хлевнюк О.В. Номенклатурная революция: региональные руководители в СССР в 1936–1939 гг. // Российская история. 2016. № 5. С. 36–52.
- Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007. 292 с.
- Яцков В.А. Кадровая политика КПСС: опыт и проблемы. М., 1986. 315 с.
- Blackwell R. Career Development in the Soviet Obkom Elite: a Conservative Trend // *Soviet studies*. 1972. № 1. P. 24–40.
- Boterbloem K. Life and Death under Stalin: Kalinin Province, 1945–1953. Montreal, 1999. 448 p.
- Harris J.R. The Great Urals: regionalism and the evolution of the Soviet system. New York, 1999. 235 p.
- Hough J.F. The Soviet prefects: The local party organs in industrial decision-making. Cambridge, 1969. 416 p.

References

- Andrukhov, N.R. (1977). *Partiynoe stroitel'stvo v period bor'by za pobedu sotsializma v SSSR (1917–1937 gg.)* [Party Building during the Fight for the Victory of Socialism in the USSR (1917–1937)]. Moscow. 375 p.
- Blackwell, R. (1972). Career Development in the Soviet Obkom Elite: A Conservative Trend. In *Soviet studies*. No. 1, pp. 24–40.
- Blackwell, M.Dj. (2011). Vossozhdanie kommunisticheskoy partii v Kieve posle natsistskoy okkupatsii. 1943–1946 gg. [Reestablishment of the Communist Party in Kiev after the Nazi Occupation. 1943–1946]. In *Noveyshaya istoriya Rossii*. No. 2, pp. 163–170.
- Boldovskiy, K.A. (2018). Padenie “blokadnykh sekretarey”. Partapparat Leningrada do i posle “Leningradskogo dela” [The Fall of “Blockade Secretaries”. Leningrad Party Apparatus before and after the “Leningrad Affair”]. St. Petersburg. 310 p.
- Boterbloem, K. (1999). Life and Death under Stalin: Kalinin Province, 1945–1953. Montreal. 448 p.
- Chistikov, A.N. (2007). Partiyno-gosudarstvennaya byurokratiya Severo-zapada Sovetskoy Rossii 1920-kh godov [Party and State Bureaucracy in the North-Eastern part of the Soviet Russia in the 1920s]. St. Petersburg. 292 p.
- Feynsod, M. (1995). *Smolensk pod vlast'yu Sovetov* [Smolensk under Soviet Rule]. Smolensk. 493 p.
- Gubankov, A. (1989). Shtrikhi k zhizneopisaniyu “obraztsovoy kommunisticheskoy pary” [Strokes to Biography of the “Perfect Communist Couple”]. In *Dayzhest pressy Stranitsy istorii*. Jan.–June, pp. 256–260.
- Harris, J.R. (1999). The Great Urals: regionalism and the evolution of the Soviet system. New York. 235 p.
- Hough, J.F. (1969). The Soviet prefects: The local party organs in industrial decision-making. Cambridge. 416 p.
- Izmozik, V.S., Lebina, N.B. (2016). Peterburg sovetskiy: “novyy chelovek” v starom prostanstve: 1920–1930-e gody. Sotsial'no-arkhitekturnoe mikroistoricheskoe issledovanie [Soviet Petersburg: New People in Old Environment (1920s–1930s): Socio-Architectural Microhistorical Study]. St. Petersburg. 248 p.

Konovalov, A.B. (2006). Formirovanie i funktsionirovanie nomenklaturnykh kadrov organov VKP(b)-KPSS v regionakh Sibiri: 1945–1991 gg. [The Establishment and Activity of the Communist Party Functionaries in Siberian Regions]. Dr. hist. sci. diss. abstract. Kemerovo. 28 p.

Konovalov A.B. (2005). Partiynaya nomenklatura Kuzbassa v gody “poslevoennogo stalinizma” i “ottepeli” (1945–1964) [Party Functionaries of Kuzbass Region during the “Postwar Stalinism” and “Thaw” period (1945–1964)]. Kemerovo. 311 p.

Konovalov, A.B. (1999). Sotsial’no-professional’naya evolyutsiya partiynoy nomenklatury Kuzbassa: 1943–1964 gg. [Social and Professional Evolution of Kuzbass Region Party Functionaries in 1943–1964]. Cand. hist. sci. diss. abstract. Kemerovo. 28 p.

Maleyko, L.A. (1981). Partiynyy apparat: stanovlenie i razvitie (1917–1941 gg.) [The Establishment and Development of the Party Apparatus (1917–1941)]. Rostov-on-Don. 135 p.

Mel’nikov, V.P. (1981). Oblastnye byuro TsK RKP(b): iz opyta KPSS po ideynomu i organizatsionnomu ukrepleniyu mestnykh partiynykh organizatsiy (1920–1925 gg.) [Regional Communist Party Bureaus: Ideological and Institutional Strengthening of Local Party Organizations]. Moscow. 184 p.

Mohov, V.P. (2000). Elitizm i istoriya: Problemy izucheniya sovetskikh regional’nykh elit [Elitism and History: Studying Regional Soviet Elites]. Perm. 204 p.

Pronin, I.I. (1971). Rukovodyashchie kadry: podbor i vospitanie [Senior Staff Recruitment and Training]. Moscow. 224 p.

Smorodin, D. (2021). Otkrytyy protsess ne sostoyalsya (God 1937-y) [Public Trial Did not Take Place (1937)]. In *Stranitsy istorii: Daydzhest pressy 1989*. June–Dec. 1990, pp. 149–165.

Stefanenko, A.Yu. (2021). Vnutripartiynaya bor’ba v Leningrade. 1926–1933 gg. [Interparty Struggle in Leningrad in 1926–1933], Cand. hist. sci. diss. abstract. St. Petersburg. 26 p.

Khlevnyuk, O.V. (2016). Nomenklaturnaya revolyutsiya: regional’nye rukovoditeli v SSSR v 1936–1939 gg. [Revolution in Nomenklatura: Regional Functionaries in the USSR in 1936–1939]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 5, pp. 36–52.

Yaczkov, V.A. (1986). Kadrovaya politika KPSS: opyt i problemy [CPSU Personnel Policy: Practice and Problems]. Moscow. 315 p.